

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 42

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-4466-9219-6

УДК: 1751

Итоги конкурса

1 место: Филькова Татьяна

Моё Приморье...Родные сопки и извилистые излуины рек, шум волн Японского моря, запах лимонника и шиповника в густых зарослях Уссурийской тайги. Вы приютили моих предков больше ста лет назад. В маленьком селе прошло моё детство. А потом понесли вперёд по жизни городская суета, шум автомобилей, бесконечная вереница школьных звонков. Уже более сорока лет я - учитель начальных классов. Не сразу принял меня город, да и не до конца. Корни мои там, в таёжном селе на берегу притока Уссури.

«Зачем тебе это нужно?» Спрашивали часто, если вдруг, услышав интересный рассказ или историю, я просила повторить или вспомнить что-то особенно памятное из жизни, кратко записывая в тетрадь (всегда носила с собой!). Просто нравятся душевные и забавные, быть может, наивные случаи обычных людей, их взаимоотношения, случайности судьбы и простой быт. Среди моих собеседников нет героев, совершивших подвиг в том самом смысле. И нет начальников или бизнесменов, у которых своя особая жизнь была при любой власти и в государстве любого политического устройства. Обычные люди, разного возраста, живущие также между прошлым и будущим, между городом и деревней. С их слабостями, недостатками и обязательными достоинствами. Это не известные блогеры, не участники ток - шоу. Мимо них прошли слава, богатство, но они остались сами собой, интересные своей обычностью. Все они были, жили, да и сейчас живут! Несмотря ни на что!

...Сплетаются в тетрадке строчки из воспоминаний. За практически каждым героем рассказа стоит реальный человек. Я додумываю то, что когда-то услышала. Позволяю себе фантазировать, сопереживать. И связываются события, участники и свидетели в один узор словно бесконечные вереницы прохожих на широких городских улицах или пёстрый венок из полевых цветов в руках сельской девчушки... Как пахнут головки белого и розового клевера, белой каши и еще незнакомых мелких жёлтеньких с резными листочками! Так же неповторимо пахнут воспоминания и события прошедших лет...

2 место: Максим Пичугин

За девятнадцать лет я нажил взрослую глупость, детскую смышлёность и невероятную любовь.

Мои заметки — это лишь очерк мыслей и единственный способ проследить за полётом фантазии, это вынужденная мера, чтобы остаться в здоровом и голодном уме.

3 место: Валерия Ляшкова

Моя первая публикация — это крайне волнующий момент. Я любила и люблю писательство и чтение на протяжении практически всей своей жизни - от детского сада до настоящего времени. Но большой восторг испытываешь от собственного творчества - когда понимаешь, что тебе есть что поведать миру, но сомневаешься: "А вдруг это не мое?". А потом осознаешь, что твой страх - надуман. Если тебе есть что рассказать, если ты хочешь поведать свои мысли, то делай это! Не нужно ничего бояться, ведь вместо страха ты можешь получить бурю красок радости и азарта. Я надеюсь, что этот небольшой, но все же пункт отправления будет чем-то большим в будущем. В частности, для меня, ведь я психолог, и человеческая душа для меня не пустой звук. Книга — это исцеление, творчество - это развитие.

Содержание

Филькова Татьяна	6
Максим Пичугин.....	12
Валерия Ляшкова	14
Мари Полупан	17
Любовь Михрина	21
Анастасия Гаранкина	43
Антон Сокол.....	47
Татьяна Алимова	49
Контактная информация авторов	54

Филькова Татьяна

Вверх – и с песней!

Трудно вспомнить более спокойную и незаметную бабушку, чем баба Маня. Точнее, Мария Митрофановна. Или по-простому – Марья, Кустенчиха. Хотя, какая ж она незаметная? Если кто-то из соседей рассказывал о незнакомом другим людям человеке и не мог придумать подходящих слов, по многолетней традиции брал Митрофановну «за образец»: «в теле, как Митрофановна», «размером с бабу Маню», «шириной с Марьей», «голосиста, как Кустенчиха», «с грудями, как у Митрофановны». «Крупногабаритная» - называл соседку Феоктистович. Она не обижалась. Мирно сидя на лавочке с карманом семечек, кивала головой на приветствия прохожих.

- А она всегда в теле была! В войну девки все тощие как палки, а Митрофановна круглая, дородная! Ела как все – не досыта! А вот груди еле носила! Мужики все облизывались! – делился воспоминаниями дед Яков. Соседка частенько его выручала. Охотник всю свою жизнь, Феоктистович не мог для супа сам лишиться жизни домашнюю курицу. Или петушка. Засунув под мышку птицу, он бежал к соседке, вручал живность, и почти плача убегал куда подальше. Флегматичная баба Маня, хорошо знавшая своё дело, оставляла тушку у забора, предоставляя дальнейшие заботы уже супруге деда Якова. Тот за услугу платил бартером – делился по – соседски уловом.

Иван, муж Митрофановны, невысокий конопатый мужик, тихий и малоразговорчивый, оказался в деревне после войны. И хотя прожил здесь всю свою жизнь, вырастил с Марьей пятерых детей, остался пришлым чужаком. Может, оттого что не курил с мужиками из-за ранения, работал ночным сторожем на птичнике, а днем на людях бывал редко. Избегал компании и шумные застолья. Здоровье не позволяло. А дети побаивались дядьку Ивана из-за полузакрытого глаза, также пострадавшего в войну. Дядька знал об этом и пугал изредка, выпячивая страшный незрячий глаз в сторону слишком расшумевшейся ватаги. Одно время досужие кумушки даже решили, что Иван Кустенко – ведьмак! Нашлась даже такая, которая видела, как Иван по ночам, обернувшись ужом, в чужих сараях коров доит! И на кур подклады делает, чтоб не неслись! Ни баба Маня, ни сам герой слухов, не обращали внимания на наговоры. Жили себе, никому не мешая...

С годами дядька Иван делался всё меньше, а Митрофановна – всё больше. Имея маленькую, почти миниатюрную ножку, грузная женщина все реже уходила от двора. Она никогда не жаловалась на свою болезнь, которая и была причиной такого размера тела. И не унывала! Распевая песни на весь двор, управлялась с хозяйством как могла, не прибегая к посторонней помощи даже тогда, когда муж заболел. Конечно,

разъехавшиеся дети бывали у родителей, помогали. Но привычки матери они не в силах изменить! Можно представить, в каком виде были дом и двор, если бабе Мане трудно было наклоняться, согнуться и пролезть в узкие двери построек. В некоторые из них бабушка годами не заходила. Зато решительно отказалась ломать русскую печь и пекла удивительно ароматный, пористый чудесный хлеб! Сколько свадеб в деревне сыграли с её караваем — огромными, с коричневой корочкой! Сколько молодых семей получило благословение её хлебом! Баба Маня за эти буханки и денег не брала — дарила - щедро, от души.

В тот майский день Иван захотел соленых огурцов. Косясь невидящим глазом на коврик у кровати, виновато попросил: - Мать, я бы огурчика съел, что ли...

- Вот управлюсь и принесу! — пообещала хозяйка. Если учесть флегматичность Митрофановны и её габариты, то нетрудно представить, что ожидание дядьки Ивана затянулось... Но, когда часа через три хозяйка так и не пришла, муж забеспокоился и встал с кровати. Где Мария?

А баба Маня сначала вспоминала, куда с осени определила бочонок с солеными огурцами. Тогда дед был еще крепче и помогал по хозяйству. Может, он выполнял поручение жены...Точно! Верная старым привычкам, она отдала приказ поместить бочонок в погребок на заднем дворе. Надо сказать, что такими погребками тогда уже мало кто пользовался, их заменили холодильники, банки с консервами и просторные погреба под полом в доме. Но бабу Маню не переубедишь: капуста, огурцы и помидоры, а также другие полезные запасы должны храниться в погребе как в старые добрые времена! Под замком, иначе добро не сохранить! Положив связку ключей в бездонный карман фартука, Митрофановна неторопливо отправилась на задний двор. Протиснувшись в калитку, бабушка задумалась: а как она попадёт в узковатый лаз погребка? Много лет сюда был вхож только тонкий и звонкий супруг...Но желание угодить заболевшему мужу толкнуло на отчаянный шаг. Вот и крыша погребка, обложенная с осени дёрном. Распахнув дверцу, баба Маня с трудом наклонилась, протиснулась боком и осторожно поставила ногу на первую ступеньку. Ступенька заскрипела. Вторая ступенька также задумалась...Третья ступенька с отчаянием взвыла. А четвёртая просто обломилась, и Митрофановна всем грузным телом рухнула вниз, ободрав «по дороге» локти, бока и колени.

- Живая!

Баба Маня минут десять пыталась сесть на земляном полу, усыпанном опилками, ругая и жалея свой тяжелый живот, необъятный бюст и маленькие ноги. Наконец попытка сесть удалась. А как обратно? В открытую дверцу проглядывал кусочек синего неба... Стайка ласточек пронеслась, скорее всего, к сараю, где птички традиционно лепили свои

гнезда...Лёгкие облака подавали надежду на очень нужный дождик... Порыв ветра захлопнул дверцу!

- Господи! За что? - отчаялась пленница. И кто теперь догадается, что бабушка сидит в погребке? Митрофановна прикинула: сегодня только вторник. Дети приедут в лучшем случае, в пятницу. Четыре дня! Сидя в темноте, прислонившись спиной к тому самому злосчастному бочонку, женщина вытирала неожиданные слёзы уголком фартука.

«Надо подумать, что делать дальше...» И пока варианты спасения были в пути, их место заняли мысли о прошедшей молодости...

Как годы летят! Почему-то детство не хотело напоминать о себе. А вот военная юность тут же выпрыгнула из закровов памяти. Когда мужики ушли на фронт, их, девчонок, куда только не посылал работать председатель Трофим Исаакович! Раненый ещё в первую мировую, он не попал на фронт. Вместо боевого эскадрона ему досталась армия из баб, стариков и детей. Лихую шашку заменили и личный пример, и убеждение, а где и крепкое словцо! Ладная с виду Маня всю военную пору топором орудовала в лесу, косила высокую густую траву, сено в стога метала. При этом неизменно с песней во весь голос. Тогда, в сорок четвертом, и любовь первая случилась... А он оказался женатым. И уехал вскоре. А у Мани дочка родилась. Может быть, одна бы и вековала потом. Тут девкам мужиков не хватает, а уж кто позарится на бабу с дитём! Хотя стать мужем на одну ночь желающих было хоть отбавляй! Когда война с японцами началась, много военных прошло через деревню. Шли ночами, молча пыля по дороге. А днём отсиживались в кустах да в кукурузнике. И не один предлагал красавице свою любовь! Эх, когда это было...

В то же время дед Иван, лёжа на кровати в ожидании солёных огурчиков, вспоминал в который раз...

Их полк перебросили с западного фронта на Дальний Восток – к чёрту на кулички! Когда сержант Иван Кустенко увидел статную Марию, решил: жив останусь - вернусь к ней! Уж больно похожа на его первую жену Настю. Погибла Настя под бомбежкой в первый день войны. Прожили вместе всего две недели... Из родных никого не осталось. Сожгли немцы деревню. А где искать своих? Страна большая...

Бабе Мане в темноте вовсе нетрудно было вспоминать яркую голодную молодость. И день, когда неожиданно возник на пороге старой хатки молодой конопатый солдатик – с рыжими бинтами в пол-лица, с медалями на давно не стираной гимнастёрке. Он молча топтался на пороге, не решаясь объяснить причину своего появления. А Манина дочка маленькая подбежала к незнакомому дядьке, улыбаясь, и протянула ручки. Солдат не оттолкнул чужое дитя. Взял на руки, достал запыхавшийся кусочек сахара и маленькую куколку. Настоящую! Где взял? Это потом узнала Мария, что выменял на банку тушенки. Знал, куда и к кому едет!

Остался солдат. Мужем стал. Отцом, а потом и дедом. Ни разу не упрекнул свою Маню за её первую неудачную любовь. Хлебнув в полной мере лихой военной поры, Иван умел ценить тихое семейное счастье.

«Иван! Как он там? Я тут сижу, отдыхаю...» Мария Митрофановна вздохнула. Что делать? Вспомнила, куда под присмотром супруги Иван по осени ставил бутылки с наливкой. Пошарила кругом руками. Вот бутылочка! Напиток оказался сладким, но крепким. Приятно взбодрил. Да так взбодрил, что баба Маня, тряхнув головой, затянула во всё горло:

-Эх, полным-полна моя коробушка, есть и ситцы, и парча!

Эту песню сменила другая. Затем третья... А когда Митрофановна затянула звучно «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!», дверца погребка открылась. Соседи - Феоктистович и его супруга Павловна, запыхавшиеся и удивленные - недоуменно смотрели на случайную затворницу.

- Ох, и гораздо же ты, Мария, на песни!

Через час «спасатели» - соседи Яков и Зина, Николай, старший сын бабы Мани Сашка с женой сидели во дворе под сливами. Огурчики, капуста, бутылки с наливкой. Знаменитая душистая буханка! Вынесли кресло для Ивана. Весна! Красота!

- Ну, за песню русскую - спасительницу! За неё и за нас!

Очень душевно посидели. Конечно, синяки и ссадины баба Маня еще долго терпела. Зато муж немного ожил и повеселел! Правда, следующее застолье было тихим...Кто ж знал тогда, что всего через месяц с небольшим станет Митрофановна вдовой...

Добренно – хорошенно!

- Ой, дочка! Дай бутылочку, да закусить селёдки, что ли! Буду Нюту свою лечить! Я булками торговал!

Дядя Григорий, несмотря на солидный семейный стаж, в очередной раз обнаруживал свою нежность и любовь к супруге, желая подлечить от похмелья.

- Да мы с Нютой, добренно – хорошенно, тря дня кутили вдвоем! А что? Картошку выкопали, можно и гульнуть! – откровенничал он в сельском магазине.

Нечасто среди супружеских пар сохраняются столь тёплые чувства в возрасте после семидесяти! Конечно, тётя Анюта иногда позволяла себе приложиться кулаком к спине мужа, «так-то от любовей, я булками торговал!»

И у этой любви есть своя история. Сидя на брёвнышке с самокруткой в руках, дядя Григорий как – то поведал мне.

- Я – то во время войны в резерве был до 44 года. Как в резерве? Мы тянули связь через всё Приморье, через все перевалы – готовились к

кунфликту с японцами. А после войны в Манчжурии вернулся я орлом – при медалях да ордене! Бравый – добренно – хорошенно! А тут Нюта! Румяная, весёлая! А певунья! Загуляли мы с ней. Батьку моего ещё прошлой осенью засудили на год – считай, ни за что. Тогда с председателями колхозов разговор был короткий! Мать в больнице лежала всё лето. Так что кладовочка нас приютила! К осени стало ясно, что тянуть со свиданиями уже нельзя!

- Не плачь! В субботу наряжусь, да и приду со сватами! Жди!

Наряжусь! Сказанул! Гимнастерка да галифе – все моё добро! Начистил награды, взял брата, друга Степана, самогона бутыл. Как стемнело, пошли. К дому подходим – оторопь меня берёт! Первый раз жениться задумал! Я булками торговал!

- Стойте, хлопцы, дайтедохнуть!

Закурили. Собаки молчат, так как уже привыкшие. А из хаты крики:

- Ты что, дура, удумала? Какой тебе Гришка? Рано ещё! Сейчас вот лозиной, а не то ремнём!

Господи, какие муки Нюта терпит! Меня даже потрянуло! Я в хату, хлопцы – за мною!

Глядю, певунья моя с красными глазами стоит, а мамаша ейная как квочка, так и клюёт! И клюёт! Мне даже шибануть её захотелось! Да нельзя – а вдруг тещей будет?

- У вас товар, у нас купец! – завёл речи Степан.

- У нас бычок, у вас тёлочка! – подхватил брат.

- Ишь, чего удумал! – перебил Нютин отец. - Губа не дура! Выбрал! Долго выбирал? Да наша девка и рукодельница, и приданого три сундука! А ты? Одна родня твоя чего стоит – все пьяницы да драчуны! Не чета нам, Крюкам! В родню – с голым задом? Да у тебя и добра всего- то медальки твои! Куда молодку спать покладёшь? На медаль ляжете, шинелкой накроетесь? И в этой нищете нам внуков наделаете? Не отдам тебе Анюту!

Я не выдержал! Выскочил во двор! Да если бы только старик знал, что после последнего боя из всей роты я один в живых и остался! Мы за высотку бились. Японцы до того озверели, что головы не поднять! Там и дружок мой Володя навечно остался! А всё по глупости какой-то. Попросили наши подкрепления. Прислали нам самолёты. А те вместо вражеских позиций нас бомбить взялись! Пока разобрались, своих полегло.... Я под танк подбитый успел залезть, уже раненый. Там меня и нашли после боя без сознания. Медалью наградили! Да я должен её носить за всех моих побитых товарищей и поминать друзей боевых! Сынам своим, сколь будет, их имена дам! Ну, думаю, выломаю кол да отхожу папашу! Хлопцы за руки держат, отговаривают.

-Эх, нынче не судьба – завтра решим! – собрался я уходить со двора.